

Шмурло Евгений Францевич

Восток и Запад в русской истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е14

Е14 **Евгений Францевич Ш.**
Восток и Запад в русской истории / Шмурло Евгений Францевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 39 с.

ISBN 978-5-521-31419-5

ISBN 978-5-521-31419-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рающійся на признаніи личности и уваженіи чужой собственности, — цѣнили выше минутнаго удовлетворенія произвола. Основы быта семейнаго и общественнаго были одинаковы и тамъ, и здѣсь; точно также и строй государственный выросъ у нашихъ предковъ и у народностей Западной Европы изъ тѣхъ же самыхъ началъ. Здѣсь была готовая и благодарная почва для взаимнаго пониманія и совмѣстнаго рука объ руку движенія впередъ. Вотъ почему въ теченіи всей своей 1000-лѣтней исторіи Россія постоянно стремилась жить въ общеніи съ своими собратьями, понимая, въ чемъ именно таится залогъ ея дальнѣйшаго преуспѣянія на пути духовнаго развитія.

Но сила вещей неумолимо тянула насъ въ другую сторону, въ сторону Азіи, отвлекая отъ общаго очага цивилизации и принуждая двоиться. Исторія Россіи — это равнодѣйствующая, образованная двумя силами, изъ которыхъ каждая лишь противодѣйствовала одна другой. Конечно, здѣсь прежде всего приходится искать объясненій, почему многое въ русской исторіи шло не такъ гладко, достигалось не такъ легко, достигнуто не съ такой полнотой и совершенствомъ, какъ у нашихъ сосѣдей.

Въ этомъ легко убѣдиться; стоить лишь мысленно взглянуть по направленію къ Азіатскому востоку и прослѣдить въ самыхъ общихъ чертахъ наши къ нему отношенія.

Первая страница русской исторіи еще не была намѣчена, а темная сила уже тяготѣетъ надъ нами. Если справедливо, какъ утверждали наши предки, современники половецкихъ набѣговъ и татарскаго ига, что незваные выходцы азіатскихъ степей были наводженіемъ ада, наказаніемъ божіимъ, то позволительно утверждать, что Россія зачалась въ грѣхѣ.

Еще въ ту отдаленную пору, когда о русской народности и помину нѣтъ, и сама она безформенной массой таится въ хаосѣ народностей, населявшихъ Восточную Европу IV, V, VI, VII вв., ей уже приходится считаться съ

гуннами и аvaraми . . . Еще не успѣли пробиться наружу первые ростки государственности, не успѣлъ еще появиться Рюрикъ, первый предвозвѣстникъ этой государственности, — а хозары уже протянули руку къ русской землѣ и собираютъ дань съ южныхъ племенъ . . . Первый князь кіевскій, Олегъ, едва пришелъ изъ Новгорода, какъ вынужденъ заботиться объ укрѣпленіи южной границы. Ясы и касоги, повидимому, не прочь смѣнить хозаръ, но у нихъ перебиваютъ дорогу печенѣги. Святославъ Игоревичъ въ битвѣ съ ними сложилъ свою молодецкую голову. Владиміръ Св. не только апостолъ христіанства, но и строитель городовъ-крѣпостей: онъ воздвигаетъ ихъ по Деснѣ, по Вострѣ, по Трубежу, Сулѣ, по Стугнѣ — для отпора кочевниковъ. Цѣлый рядъ легендъ, порожденныхъ борьбою съ печенѣгами, приуроченъ къ его времени. Напомню извѣстный разсказъ о единоборствѣ Яна Усмошвеца и постройкѣ города Переяславля на мѣстѣ, гдѣ русскій юноша переялъ славу у печенѣжскаго богатыря. — При Ярославѣ Мудромъ лѣтопись въ послѣдній разъ упоминаетъ о печенѣгахъ; повидимому, русская земля освободилась отъ непрощенныхъ гостей, но это только повидимому. Десятокъ, другой лѣтъ спустя — и на смѣну печенѣгамъ появляются половцы, съ тѣмъ чтобы уже на цѣлыхъ два столѣтія держать въ напряженномъ страхѣ русскую землю.

Что это за странная смѣна азіатскихъ кочевниковъ? Откуда шли они? Куда? Зачѣмъ?

Кочевникъ не можетъ не двигаться. Азія — эта officina gentium — издавна высылала въ Европу своихъ сыновей, которые врывались на быстрыхъ коняхъ, какъ настоящій степной вѣтеръ, переворачивали все верхъ дномъ и, опустошивъ, обезлюдѣвъ страну, довольные, покидали ее. Новая христіанская Европа, какъ извѣстно, возникла на развалинахъ классическаго міра подъ вліяніемъ именно такого урагана. Великія Европейскія ворота — низовья рр. Урала и Волги — служили торнымъ путемъ для вы-

ходцевъ съ Востока. Этотъ потокъ разливался по югу нынѣшней Россіи и шелъ далѣе на западъ. Молодое русское государство возникло какъ разъ на берегу этого потока, который не могъ не подмывать его. Продолжая выражаться фигурально, русскіе люди IX, X—XII вв. сидѣли на краю большой проѣзжей дороги, и всякій, кто проходилъ по ней, неизбѣжно задѣвалъ и ихъ. Волна смѣнялась волною, хозарь смѣнили печенѣги, этихъ — половцы, половцевъ — татары, — а суть дѣла не измѣнялась! Страдовать и въ потѣ лица бороться за право существованія приходилось попрежнему.

Міръ германо-романскій оказался въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Границы политическія большей частью совпадали тамъ съ границами, обусловленными самой природой; высокія горы, широкія морскія пространства создавали естественную защиту и позволяли значительную часть своихъ силъ, матеріальныхъ и умственныхъ, прилагать на работу внутреннего устройства. Внѣшнихъ вторженій тамъ почти не знали. Набѣги нормановъ были набѣгами младшаго поколѣнья, запоздалымъ эпилогомъ той же самой работы, что нѣкогда продѣлали и старшіе братья; вторженія арабовъ скорѣе повысили культуру Испаніи и южной Франціи, чѣмъ задержали ее . . .

Русскій человѣкъ, наоборотъ, съ самаго начала очутился лицомъ къ лицу съ безбрежною и полудикою степью, гдѣ граница могла ежедневно отодвигаться въ ту или другую сторону, смотря по тому, кто силенъ былъ въ данную минуту. Положимъ, на нашу долю выпала почетная роль передового форпоста Европы въ борьбѣ ея съ Азіей, высокая миссія собственной грудью защищать собратьевъ отъ натиска кочевниковъ — но почетъ этотъ стоилъ очень и очень дорого: онъ мѣшалъ нашему домостроительству, внутреннему распорядку. . . Долго боролись наши предки, долго отстаивали свои позиціи, но, наконецъ, не выдержали: въ половинѣ XIII ст. напоръ азіатскихъ выход-

цевъ заставилъ ихъ склонить свою голову, — и надъ растерзанной, поруганной Россіей спустилась и надолго окутала ее темная, безпросвѣтная ночь — татарское иго. А если кто и ушелъ отъ него, то попалъ въ руки литовскія и польскія: такова вся Западная Русь.

Нечего дѣлать. Приходилось собирать новыя силы, начинать чуть не сызнова. Эту работу выполнили князья московскіе. Иванъ III покончилъ съ игомъ. Съ игомъ — да, но не съ татарами. Въмѣсто Золотой Орды выросла орда Ногайская, царства Крымское, Астраханское и Казанское. Правда, дышать стало много легче. Ярма уже не было, и мы опять стали въ положеніе обороняющагося, — болѣе того: даже могли перейти въ наступленіе. Если Иванъ III только сбрасывалъ тяжелые путы, то внукъ его самъ накладываетъ ихъ на татаръ: при Иванѣ Грозномъ завоевана Казань и Астрахань. Роли, очевидно, мѣняются, и тотъ, кто недавно тиранилъ насъ, самъ просить пощады.

Итакъ, значить, дѣло сдѣлано? Цѣль достигнута? Значить, теперь мы снова можемъ всеѣмъ фронтомъ повернуть въ сторону Запада и возобновить порванную связь? . . .

Какое горькое заблужденіе! Вѣдь естественныхъ границъ не было попрежнему! Тщетно пытливымъ взоромъ всматривались мы въ открытый горизонтъ . . . За Казанью и Астраханью тянулись тѣ же степи, текли тѣ же судоходныя рѣки, — эти желѣзнодорожные пути стараго времени — значить, предстояли тѣ же столкновенія.

Къ тому же вѣчныя распри этихъ азіатовъ неизбежно втягивали и насъ въ ихъ дѣла. Культурная народность не можетъ безучастно смотрѣть на дразни и междоусобицы сосѣднихъ полудикихъ народовъ, такъ какъ онѣ всегда отзовутся неблагопріятно на его собственномъ развитіи. Путемъ ли покровительства или завоеваній всегда приходится сдерживать эти силы; занимать вражескую землю или устраивать живую изгородь, чтобы заслонить и обезпечить повседневную жизнь мирнаго человѣка отъ возможныхъ

нарушеній. И мы, дѣйствительно, въ одно и то же время покровительствовали, завоевывали, огораживались такъ называемыми „лініями“.

Шире и шире раскрывались передъ нами двери Востока, и точно какая-то неумолимая сила толкала насъ туда. Едва успѣлъ Иванъ Грозный завоевать Астрахань, какъ вынужденъ строить на Терекѣ городокъ по просьбѣ самихъ жителей края, чтобы дать имъ защиту отъ дикихъ кавказскихъ горцевъ. Паденіе Казани открыло свободную дорогу въ Пермскій, издавна русскій, край, при чемъ сейчасъ же оказалось, что Уральскій хребетъ — грань слишкомъ ненадежная. Приходится переваливать черезъ Каменный поясъ, и Ермакъ Тимофеевичъ еще при жизни Грознаго бьетъ ему царствомъ Сибирскимъ. Въ какую нибудь сотню лѣтъ русскіе землепроходы, какъ называли первыхъ піонеровъ Сибири, прошли этотъ край вплоть до Великаго океана и уже въ концѣ XVI стол. привели насъ въ столкновение съ Китаемъ.

А я еще не упомянулъ ни словомъ о трехвѣковой борьбѣ съ крымскимъ ханомъ, которому вплоть до Петра Великаго мы платили позорную дань, т. наз. „поминки“, едва лишь прикрывавшіе въ этой формѣ унижительный смыслъ нашего обязательства. Башкирское Заволжье, киргизское Зауралье — это лишь два этапныхъ пункта въ нашемъ движеніи на Востокъ, лишь станціи для минутной передышки. Оконченъ короткій отдыхъ — и снова иди дальше и дальше въ глубь безконечныхъ степей.

И вѣдь какая насмѣшка судьбы! Подвигаясь скрѣпя сердце, готовые на первомъ же этапѣ остановиться навсегда, мы въ то же время сами себѣ измѣняемъ и противорѣчимъ собственной программѣ. Одна рука не вѣдаетъ, не хочетъ вѣдать, чтó творитъ другая. Тяжелыя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась русская государственность, отразились и на внутреннемъ строѣ общества очень тяжело. Не всякому онъ оказался подъ силу, и кто не

сносилъ, тотъ убѣгалъ его. Одною гнала нужда матеріальная, другою несправедливость людская; кто разошелся въ воззрѣніяхъ, въ комъ просто искала выхода неспокойная, неустановившаяся сила, и вновь слагавшіяся рамки общественныя оказывались черезъ чуръ тѣсными.

Куда же уйти? Конечно, туда, гдѣ дорога открыта и гдѣ иной строй общества удовлетворить ваши желанія. И вотъ на тотъ же Востокъ, но уже всецѣло по своей инициативѣ, тянется русскій мужичокъ-пахарь, лишенный льготъ Юрьева дня или просто безземельный; бѣжитъ старовѣръ, недовольный никоновскими порядками; преступникъ; любой нелегальный и всякъ вообще, кому не легко жилось дома. Идетъ, наконецъ, и предприимчивый промышленникъ-купецъ: ему дорога, по самой профессіи, при всякомъ режимѣ, нигдѣ не заказана. Единицами, мелкими кучками, всѣ эти отщепенцы московскаго центра незамѣтно вырастаютъ въ цѣлыя поселенія, крупныя группы. То тамъ, то тутъ возникаютъ деревни, скиты, города, казачьи станицы . . .

Но, разъ очутившись за рубежемъ, затерянный среди инородцевъ, въ силахъ ли былъ этотъ людъ на самомъ дѣлѣ порвать старыя связи? въ силахъ ли былъ прекратить сношенія съ прадѣдовскимъ очагомъ? Разумѣется, нѣтъ. Ясно, какія вытекали отсюда послѣдствія.

Если правительство есть, дѣйствительно, отраженіе ума и сердца народнаго, то русская власть не могла индифферентно относиться къ этимъ выходцамъ и бѣглецамъ, особенно, когда нѣкоторые изъ нихъ, доведенные до крайности, взывали къ поддержкѣ. Какъ было не помочь? Нельзя же было бросить на произволъ судьбы, хотя и ослушника, но все же единокровнаго и подданнаго! Другихъ же (раскольниковъ, бѣглецовъ и преступниковъ) правительство само считало нужнымъ не оставлять въ покоѣ, чтобъ поддержать престижъ власти и парализовать ихъ вліяніе на тѣхъ, кто, еще оставаясь на Москвѣ, могъ поддаться ихъ соблазну. Тѣмъ или инымъ путемъ, но несомнѣнно, что отношенія

къ Востоку становились все сложнѣе, узелъ, завязывавшій ихъ, затягивался все крѣпче и крѣпче.

Въ этомъ вынужденномъ движеніи, можно сказать, весь трагизмъ положенія. Чувствуется присутствіе чего-то неизбѣжнаго, рокового. Въ теченіи 1000 лѣтъ мы только и знали, что старались отчураться, уйти отъ Востока, а въ результатъ только тѣснѣе сближались, шли по его направлению. Но какъ же было иначе поступить? Двѣ культурныхъ націи легко уживутся на одномъ полѣ; культурная и некультурная — никогда. Сперва намъ приходилось молчаливо выносить наносимые удары; потомъ, нѣсколько окрѣпнувъ, мы пытались отбросить врага отъ себя, отмежеваться и огородиться путемъ военныхъ поселеній, казачьихъ „линій“; но врагъ, благодаря отсутствію естественныхъ границъ, легко возвращался назадъ. Тогда мы шли въ его собственное логовище, занимали его, проводили здѣсь новую грань, но за нею сейчасъ же выросло новое разбойничье гнѣздо. Мы шли и въ него, занимали и это, но результатъ былъ лишь тотъ, что только становились ближе къ третьему. За 3-мъ уже виднѣлось 4-е и т. д. и т. д. безъ конца.

Вотъ почему, если при Екатеринѣ II намъ, наконецъ, и удалось свернуть шею крымскому хану и, занявъ Тавриду, пріостановиться, потому что далѣе лежала природная граница, Черное море, да и жили за этимъ моремъ люди уже иного типа и склада, — то двигаться, попозже, все же пришлось: в д о л ь моря; а въ то же время, какъ-бы въ отместку за эту пріостановку, борьба принимаетъ особенно громадныя размѣры на другихъ пунктахъ, въ теченіи XIX столѣтія. Я говорю о Кавказѣ и Средней Азіи. Война съ горными племенами Кавказа — это сплошной непрерывный рукопашный бой, грудь съ грудью, въ теченіи десятилѣтій, уже безъ всякой передышки. — Противъ Средней Азіи мы воздвигаемъ новую Оренбургскую линію, отправляемъ Перовскаго въ (неудачный) Хивинскій походъ, а съ 50-хъ гг.

предпринимаемъ рядъ дѣйствій, которыя приводятъ насъ въ Самаркандъ, Коканъ, въ Кульджу и въ Мервъ. Но кто можетъ сказать, что это послѣдніе этапы на длинномъ и утомительномъ пути? Кто рѣшится утверждать, что впереди на нашей дорогѣ не могутъ еще встрѣтиться Герать, Намиръ или Корея? ¹⁾ . . .

Итоги навязаннаго знакомства съ Азіей, разумѣется, крайне печальные. Русскій народъ, по преимуществу земледѣльческій, сложился въ государство, по преимуществу военное. Громадный запасъ силъ, умственный и матеріальный, ушелъ на дѣло въ сущности отрицательное, на внѣшнее обезпеченіе своего положенія. Государственная территорія разрослась до небывалыхъ размѣровъ и легла тяжелымъ бременемъ на трудовыя плечи русскаго народа. Разбродъ населенія мѣшалъ сплоченію, работѣ государственнаго единенія. Прогрессъ культурный шелъ замедленнымъ шагомъ; Россія, какъ принято выражаться, „отстала“ отъ Западной Европы. Правда, мы явились въ Азіи насадителями общевропейской цивилизаціи, — но насколько неизмѣримо обильнѣе былъ бы нашъ посѣвъ, еслибъ самъ сѣятель могъ выйти на пашню въ полномъ всеоружіи знанія! . . . Правда и то, что обширныя территоріи на Востокѣ даютъ намъ теперь лишній козырь въ борьбѣ съ государствами Западной Европы, — но еще вопросъ, не оказались ли бы мы сильнѣе, еслибъ могла осуществиться фантазія (конечно, не болѣе!) Петра Великаго сдвинуть все русское населеніе къ западнымъ границамъ государства, покинувъ навсегда области восточныя! . . . | Вѣрно и то, что Азіатскій востокъ превращается теперь для насъ въ обширную колонію, гдѣ найдетъ широкое поприще тотъ-же пахарь-переселенецъ, —

1) Высказываться въ этомъ направленіи я имѣлъ случай еще раньше, именно въ статьѣ своей: „Новый городъ въ Тургайской степи (изъ лѣтнихъ наблюденій)“, въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1887, № 5 (см. вступительную главу, стр. 2—4). Нѣсколько выраженій оттуда, почти безъ измѣненій, попали и въ настоящую лекцію.

но опять же еще вопросъ, не потому ли и потребность явилась въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что, благодаря внѣшнимъ условіямъ, мы и до сей поры не сумѣли выработать интенсивной культуры и беремъ прежде всего широкимъ масштабомъ ? . . .

II.

Посмотримъ теперь, какъ сложились наши отношенія къ Западу.

Для правильной оцѣнки ихъ необходимо прежде всего одно условіе. У насъ, къ сожалѣнію, довольно еще распространѣнъ взглядъ, по которому Европейскій материкъ дѣлится на „Россію“ и собственно „Европу“. Съ этимъ ложнымъ представленіемъ пора бы давно раздѣлаться и не представлять той и другой какими-то двумя отдѣльными и самостоятельными единицами. Дѣленіе это въ свое время установлено было западниками и славянофилами, при чемъ „Россію“ и „Европу“ обѣ школы понимали каждая на свой ладъ. Но западники и славянофилы замѣтно отживаютъ свой вѣкъ; конечно, скоро послѣдуетъ за ними и названное дѣленіе.

Россія есть восточная половина Европы, а не что-либо отдѣльное, обособленное; подобно тому какъ міръ германо-романскій есть западная половина той же Европы, не больше. Ту и другую, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя особенности, связываютъ общее расовое происхожденіе, общія начала христіанской культуры, общая географическая близость и почти одновременное выступленіе на историческое поприще.

Современникамъ Рюрика, Св. Ольги, Владиміра, Ярослава Мудраго чужда была мысль объ этой обособленности. Упорядочивая общественныя отношенія, закладывая фундаментъ будущаго государственнаго зданія, они пребывали въ

полномъ убѣжденіи тѣснаго общенія русскоіи земли съ западно-европейскимъ міромъ и сознательно шли на встрѣчу этого общенія. Въ самомъ дѣлѣ, если первые шаги наши на Востокъ переплетаются съ поступательнымъ движеніемъ азіатскихъ кочевниковъ; то кто кладетъ у насъ первыя основы государственности, какъ не варяги, та скандинавская вѣтвь европейцевъ, которая подобную же службу сослужила и въ Британіи, въ Нормандіи — на сѣверѣ Франціи — и въ южной Италіи? . . . Эпоха первыхъ князей русскихъ есть время неустанныхъ сношеній съ Византією; норвежскіе викинги, короли польскій, французскій, венгерскій ищутъ руки русскихъ князей; въ свою очередь для принцессъ византійскихъ и германскихъ Русь становится второй родиною; возникаютъ тѣсныя связи съ Польшей. Заимствуя христіанство изъ Царьграда, мы не считаемъ страннымъ сноситься въ дѣлахъ вѣры и съ императоромъ германскимъ, даже съ самымъ папою. Кіевъ издавна ведетъ торговлю съ такимъ отдаленнымъ пунктомъ Нѣмецкой земли, каковъ Регенсбургъ; а Новгородъ — съ Балтійскимъ побережьемъ.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ мы встрѣтимъ подобныя же явленія. Новгородъ и Псковъ продолжаютъ брататься съ ганзейскими городами; кіевское Поднѣпровье, Волынь и Галичъ въ тѣсномъ общеніи съ Венгріей и Польшей; черезъ ихъ посредство намъ подаетъ руку Германія. Я не говорю уже о томъ, что Византія попрежнему играетъ видную роль въ нашей культурной жизни. Недавно найдено посланіе митрополита Климента Смолятича (XII в.); оно съ убѣдительною ясностію рисуетъ занятія русскихъ людей того времени литературою классическою, не исключая и философскаго ея отдѣла. Все говоритъ о томъ, что государственная и общественная жизнь, впервые зародившись на Великомъ Греческомъ Водномъ Пути, продолжала и позже развиваться тутъ же, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ культурными племенами. Оставалось только желать, чтобы въ дальнѣйшемъ этотъ обмѣнъ и связь продолжались,